

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

**ЛИТAVИЯ И ДРУГИЕ ЛИТУАНИЗМЫ В УКРАИНСКИХ
(ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ) ГРАММАТИКАХ И СЛОВАРЯХ
XVI—XVII вв.**

Камень, егоже небрегоша
зиждущии, сей бысть
во главу углу (Мелетий
Смотрицкий, Грамматика
славенская, 408).

0. „Камень, которым пренебрегли строители, тот самый сделался главою угла“ — эти слова из псалмов, приводимые М. Смотрицким в роли грамматического примера, уместно привести в качестве эпиграфа к данной статье. Действительно, украинские и — шире — восточнославянские грамматисты и лексикографы XVI—XVII вв., создавая свои труды, ставили перед собой совершенно иные задачи, чем определение заимствованных слоев лексики. Даже тогда, когда они указывали на языковую принадлежность некоторых слов, то литовского языка в собственном смысле этого термина не было в шкале их оценок. Если же говорить о современном восточнославянском языкознании, исследующем, помимо прочего, также и свои начальные шаги (XVI—XVII вв.), то и в этом отношении мысль эпиграфа также имеет своего адресата: литуанизмы в украинских (восточнославянских) грамматиках и словарях указанного периода остаются без внимания. Не нашли они своих исследователей и в лице представителей собственно балтийского языкознания. Предлагаемая статья является попыткой поставить во главу угла вопрос, который по тем или иным причинам не был до сих пор изучен. Несмотря на то, что во взятых источниках¹ обнаружено только шесть литуанизмов (поровну имен собственных и нарицательных), уже предварительная их оценка, на наш взгляд, оправдывает проведенные поиски.

¹ Общая характеристика украинских (восточнославянских) грамматик и словарей XVI—XVII вв., а также их авторов не входит в наши задачи. Это уже сделал В. В. Нимчук во вступительных статьях к изданным, а также подготовленным им к печати трудам грамматистов и лексикографов того времени, о чем см. ниже. Пользуемся случаем, чтобы выразить В. В. Нимчку свою искреннюю признательность за помощь в работе над этой статьей.

1.1. Вильно. В небольшой грамматике церковнославянского языка Лаврентия Зизания, увидевшей свет в Вильнюсе в 1596 г. („Грамматика словенская“) единственным литовским „сюжетом“ было указание на место издания: „Въ Вилни“. Напечатанная через 23 года и также в Литве (Виевис) „Грамматика славенская“ Мелетия Смотрицкого в шести местах содержит примеры с названием *Вильно* или его производными: *Вилно* как пример имени собственного (стр. 40), *град Вилно* как приложение (стр. 470), *в Вилни* для иллюстрации перечисления (стр. 471). Говоря о словообразовании, Мелетий Смотрицкий приводит примеры: *Вилнданинъ отъ Вилна*, *Лвованинъ отъ Лвова* (стр. 59). Вновь эту литовско-украинскую пару встречаем в разделе о склонении *Вилнданинъ*, *Лвованинъ* (стр. 107). Наконец, уже сам по себе *Ви|л|нданинъ родомъ* упоминается среди примеров определенных словосочетаний (стр. 403).

По-видимому в этих примерах следует видеть внутреннюю связь автора „Грамматики“ Мелетия Смотрицкого с „Вильном“, „Вильнянами“ и вообще Литвой, подсобно тому, как в параграфах „Российской грамматики“ В. М. Ломоносова среди грамматических примеров можно встретить отрывки из некоторых строк его автобиографии: *Марбургъ* (§ 102), *жилъ въ Кіевѣ; учился въ Германии* (§ 571), *возвратиться изъ Германии* (§ 580) и др.²

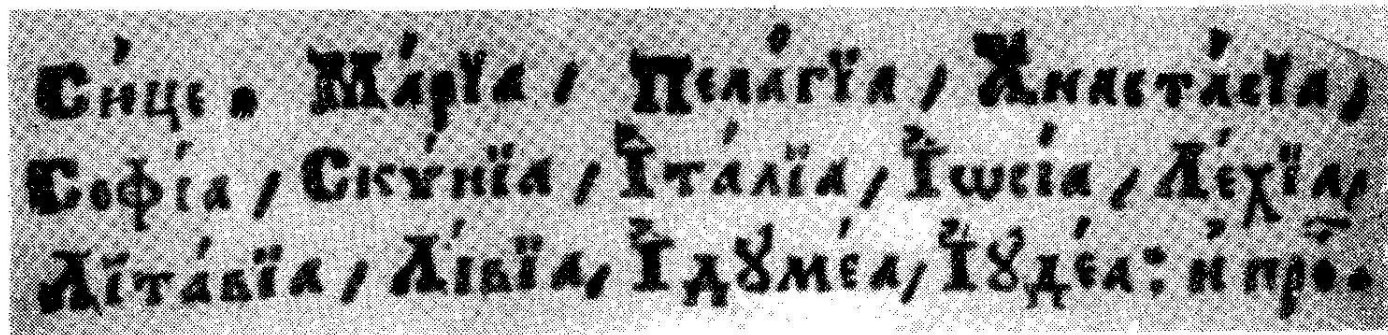

Рис. 1. *Литавия* в контексте „Грамматики славенской“ М. Смотрицкого (стр. 79).

Небезынтересно отметить, что в последующих изданиях „Грамматики“ М. Смотрицкого (Москва, 1648 и 1721) *Вилно* в ряду примеров имени собственного (Петръ, Анна, Иордан, Фаворъ, Палестина, Вилно – в издании 1619 г.) было сначала заменено на *Москва* (1648), а затем – на *Вилна* (1721).

1.2. Евье: „В(ъ) ЄВІЮ“ – так заканчивается текст титульной страницы „Грамматики“ Мелетия Смотрицкого. Ср. „*Евье*, местечко, при оз. Евье,

² См. М. В. Ломоносов, *Российская грамматика. Полное собрание сочинений*, VII. Труды по филологии 1739–1758 гг., Москва–Ленинград, 1952, 427, 574, 576.

650 жителей, Евьевская волость, Трокского уезда, Виленской губернии”³. Современное *Vievis*.

Говоря о способах славянизации литовских географических названий, Я. Отрембский среди прочего указывает на утрату начального *v-*, что, по его мнению, является результатом ложной декомпозиции в сочетаниях с предлогом *v* (*w*), как, например, *Vievis* : *Jewie*, т.е. Евье⁴. Этот тезис оспаривает Ю. Принц, который касаясь, правда, только случаев чередования *va/vo/a/o/uo* в начале слова, указывает на возможность этого явления и на собственно литовской почве вне всякой славянизации⁵.

Необходимо обратить внимание на то, что приведенные Я. Отрембским примеры — помимо Евье (вместо *Vievis*), также *Olkieniki* вместо *Valkininkas* и *Oranu* вместо *Varėna*⁶ — локализируются в одном и том же диалектном ареале — на территории говоров южных аукштайтов⁷. Это обстоятельство, свидетельствуя, возможно, об определенном диалектном характере формы *Евье*, увеличивает ценность такого факта из истории литовского языка как словосочетание „В(ъ)ЄВЮ“ на титульной странице книги, изданной в 1619 году.

1.3.1. Литавия. Исследуя происхождение названия *Литвы*, К. Кузавинис указал на то, что в изданной в Вильнюсе в 1588 г. антологии поэтов Литвы поэма И. Радвана „Радвилиада“ (на латинском языке) содержит термин *Littavia* „Литва“, строго говоря — *Littaviae*⁸. Вот некоторые более подробные гекзаметрические примеры поэмы: *Prodite, sed Maiestatem defendite magnae Littaviae...* (45b). *Maxime Littaviae ductor...* (46a). *Vnice Littaviae Ductor ...* (56b)⁹.

Известно, что в отличие от основной формы названия Литвы — *Lietuvà*, существует и другая — с суффиксом — *-ava*, отмеченная, в частности, в латышских народных песнях (МЕ, II, 506), в литовском говоре Дятлово (*Zietela*) в БССР и др. Эта словообразовательная дублетность *-uva/-ava* имеет глубокие исторические корни в своеобразной морфологической дублетнос-

³ Виленская губерния. Полный список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении, составленный по официальным сведениям И. И. Гошкевичем, Вильна, 1905, 318.

⁴ J. Otrębski, *Slawizacja litewskich nazw wodnych i miejscowych*, — *Z polskich studiów slawistycznych*. Seria 2. Językoznawstwo, Warszawa, 1963, 277—278.

⁵ J. Prinz, *Die Slaviesierung baltischer und die Baltiesierung slavischer Ortsnamen im Gebiet des ehemaligen Gouvernements Suwałki*, Wiesbaden, 1968, 267—268.

⁶ J. Otrębski, *Указ. соч.*, 278.

⁷ См. карту говоров: Z. Zinkevičius, *Lietuvių dialektologija*, Vilnius, 1966, 446.

⁸ K. Kuzavinis, *Lietuvos vardo kilmė*, — *Kalbotyra* X (1964) 11—12.

⁹ *Radivilias. Sive de vita, et rebus... Principis Nicolai Radivili... Libri qvator. Ioannis Radvani Lit:... Vilnae Metropoli Litvanorum, СЮ Ю ПХС*. За письменное сообщение этих примеров благодарю проф. В. Мажюлиса.

ти *и*- основ, что позволяет видеть и более поздний характер обсуждаемой формы: „Имя *Литвы* с *-ав-* употреблялось, вероятно, только некоторыми литовскими говорами и пруссами”¹⁰.

В связи со сказанным большой интерес представляет название Литвы *Литавия*, употребленное в контексте перечисления ряда стран в окружении *Лехии* (Польша) и *Ливии* (см. рис. № 1). Хорошо известно, что М. Смотрицкий (1578–1633) до опубликования своей „Грамматики“ в 1619 г. был тесно связан с Вильнюсом, в котором после переезда с Украины (в 1601 г.) окончил иезуитский коллегіум, вел преподавательскую работу (для чего и составил „Грамматику“), издавал труды. Таким образом, несомненно можно говорить о традиции употребления названия страны *Littavia*/*Литавия* в Вильнюсе в 1588 (И. Радван) – 1619 (М. Смотрицкий) годах. Это как минимум.

Практически хронологические и территориальные рамки бытования формы *Литавия* были шире. В пользу этого укажем следующее. Во-первых, *Литавия* употреблена не в латинском тексте, а в восточнославянском, что свидетельствует не только о более широком употреблении этого названия, но и снимает предположение о его, как можно было бы подумать, „чисто латинском“ характере бытования. Во-вторых, эта форма употреблена уже не в поэме, а в учебном тексте, рассчитанном на более широкий круг менее подготовленных читателей (по сравнению с читателями латиноязычной поэмы „Радвилады“ И. Радвана). Наконец, в-третьих, название *Литавия* было воспроизведено в том же контексте и в московском (1648 г.) переиздании „Грамматики“ М. Смотрицкого, хотя на примере *Вильно* (см. 1,1) мы уже видели, что в это издание были внесены некоторые изменения. Тем не менее в последующем издании этого труда (Москва, 1721) термин *Литавия* – единственный из всех 12 примеров имен на *-а* из публикаций 1619 и 1648 гг. – был уже отпущен.

1.3.2. *Литовский*. Если в „Лексисе“ Л. Зизания (Вильно, 1596) встречается синонимический ряд: *пѣте(л)*, *когу(т)*, *пѣве(н)*, *петухъ*¹¹, то в „Лексиконе“ П. Беринды (Киев, 1627) эта статья расширена за счет определений: *пѣтель*, *чѣски* и *рѣски*, *когѹт*, *волынски*, *пѣвень*, *литѹвски*, *петѹхъ*¹².

Это единственный пример употребления термина *литовский* в „Лексиконе“ П. Беринды и вообще во всех рассмотренных словарях. Исследователи

¹⁰ В. Мажюлис, К балтийскому и индоевропейскому дативу ед. ч., – *Baltistica* III (1967) § 20.

¹¹ См. Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская. Підготовка текстів пам’яток і вступні статті В. В. Німчука, Київ, 1964, 67.

¹² Лексикон словенороський Памви Беринди. Підготовка тексту і вступна стаття В. В. Німчука, Київ, 1961, 104.

„Лексикона“ трактуют в данном случае *литовский* как „белорусский“, ссылаясь при этом на высказывание Е. Ф. Карского: „Лаврентий Зизаний, по свидетельству Кеппена, слово *катехизис* толкует: „по литовски оглашение“, где, очевидно, название государства перенесено и на господствующий в нем язык. Подобное же название встречается и в словаре П. Беринды“ („Белоруссы“, I, 406)¹³.

Очевидно, термин *литовский* в отношении государства был более известен, чем *литовский* — в отношении языка, особенно на отдаленных от этнографической Литвы территориях. Ср. аналогичное расширение значения этнического термина *поляк* в южноэстонской грамматике Й. Гутслаффа („*Observationes grammaticae circa linguam Esthonicam*“ von J. Gutsclaff), вышедшей в Тарту в 1648 г., в которой нем. *Pöle* переведено на эстонский как *pohla* и *Leitte*, т.е. „поляк“ и „литовец“ — в связи с польским господством в южной Эстонии и его тесной связи с Литвой¹⁴. Напротив, в рукописном словаре Я. Ланге, составленном в 1685 г. в соседнем с Литвой районе Латвии, встречаем четкое определение термина: *Leischo Walloda — die Littauische Sprache*¹⁵.

В связи со сказанным выше о двоякой интерпретации — „государственный“ и „языковой“ — термина *литовский* интересно рассмотреть следующий пример. В сборнике стихов начала XVIII в. его автор — иеромонах Климентий Зиновьев — один из разделов назвал: „О теслях, або теж о плотниках по московски, а о деїлидях по литовски“¹⁶. Что значит здесь *по литовски*? В литовском языке или в литовском государстве? *Дойлид* — литовское слово, но оно, как известно, было широко распространено в Белоруссии, и, возможно, Климентий Зиновьев также понимал термин *литовский* применительно к „дойлиду“, как Памво Беринда — в отношении „петуха“ (см. выше).

2.1. *Клуня* (лит. *klūnas*). В „Лексисе“ Лаврентия Зизания помещена статья, содержащая термин *клуня*: „жїтница, стодóла, клўня“ (стр. 46). В расширенном варианте этот ряд представлен и в „Лексиконе“ Памвы Беринды: „жїтница, гумнó, шпѣхлѣрь, спѣжарня, стодóла, клўня“ (стр. 38).

¹³ См. З. М. Веселовська, Мова „Лексікону“ Памви Беринди. До трьохсторіччя пам'ятки, — Записки історико-філологічного відділу Української академі наук, XIII—XIV, Київ, 1927, 320.

¹⁴ P. Ariste, *Wie der Este Litauen und den Litauer nennt*, — *Baltistica* III (1967) 205.

¹⁵ *Nicas un Bārtas mācītāja Jāna Langija 1685. gada latviski-vāciskā vārdnīca ... izdevis...* E. Blese, Rīgā, 1936, 139 (71).

¹⁶ Вірші єромонаха Климента Зиновієва сина. Видан з передмовою В. Перетц, Львів, 1912, 111.

В последующих словарях *клуня* встречается уже в качестве заголовного слова. Так, в рукописном труде под названием „Синоніма славеноросская“ неизвестного автора середины или второй половины XVII ст. читаем: *клуня житница*¹⁷.

В „Славянско-польском словаре“ Мариана из Ясьлиск (1641 г.), в котором, по наблюдениям исследователей, основой славянской части послужил словарь П. Беринды, имеется статья *Klunia : stodola*¹⁸.

К этнографической связи *клуни* (как названия и реалии) с Литвой интересно отметить в памятниках след. высказывание: „*Stodoła po litewsku ra-biona z drzewa wzapior*“... 1581 (1595) Титувенай¹⁹. Кстати, наречие *po litewsku* может служить некоторым дополнением к материалам § 1.3.2.

Судя по материалам К. Яблонскиса, слово *клуня* в памятниках второй половины XVI ст., помимо территории Литвы, встречалось также в Белоруссии и на Украине (Гродно, Слоним, Минск, Орша, Брест, Пинск, Владимир, Луцк)²⁰. К этому можно добавить и форму *клуня* (Пересопница на Ровенщине) под 1600 г.²¹

Таким образом, *клуня* в „Лексисе“ 1596 г. является представителем довольно широкого диалектного пространства, в котором бытовал во второй половине XVI ст. этот литуанизм. Масштабность его употребления в то время подтверждается как словарями последующего периода, так и современными говорами, главным образом, украинского, а также отчасти белорусского, русского и польского языков²².

2.2 Ковш (лит. *káušas*). В „Лексисе“ Л. Зизания это слово не зафиксировано. В „Лексиконе“ П. Беринды приводится в статье *почерпало*: „каждая реч що черпают нею: яко вѣдро, коно/в/, *ковш*“ (стр. 91). В дальнейшем отмечено в целом ряде словарей. Прежде всего в „Синоніме славеноросской“, являющейся, как известно, обратной переработкой „Лексикона“ П. Берин-

¹⁷ См. Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская..., 121.

¹⁸ M. Karaś i A. Karasiova, Mariana z Jaśliisk Dykcjonarz słowiańsko-polski z roku 1641 (Dictionarium sclauo-polonicum...), Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969, 62. Относительно графической формы терминов ср. „ł—обычно через ł, иногда также через l“ (См. там же, вступление, 39).

¹⁹ Акты издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов, XIV, 248. Цитируется по книге: К. Jablonskis, Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje, Kaunas, 1941, 75.

²⁰ К. Jablonskis, указ. соч., 90—92.

²¹ См. Архив Юго-Западной России, I, VI, 298—299.

²² См. сведения в статье: V. Urbutis, Dabartinės baltarusių kalbos lituanizmai, — Baltistica V (1969) 61—62.

ды: „ковшъ почерпало“ (стр. 122). В славянско-польском словаре“ 1641 г. также отмечен *ковш*: *Kowsz : kusz : czasza*²³.

Наконец, этот термин дважды встречается в славянской части Оксфордского семьязычного словаря XVII ст.: *ковш* — *patera* (129); *чарка, ковш* — *rosulum* (139)²⁴.

Постоянное присутствие *ковша* в различных словарях XVII ст. свидетельствует о том, что данное слово было хорошо известно на украинской и вообще восточнославянской территории. В пользу его распространенности говорит и „стаж“ хождения (воспользуемся нумизматическим термином) *ковша*, который по сравнению с данными К. Яблонскиса — старейшая фиксация под 1486 г.²⁵ — можно увеличить более, чем на столетие. Ср. „ковш, который позднее в Московской Руси был любимейшим ювелирным изделием, упоминается уже в XIV в.“²⁶ Так, Иван II около 1358 г. завещал „ковшъ великии зол/о/тъ гладъкии“, Дмитрий Донской (1389 г.) — „два ковша золоты по двѣ гривенки“, Василий I в 1406 — „ковшъ золотъ с лалом да съ женчюги“, около 1417 г. — „ковшъ золотъ князь Семеновский“²⁷.

2.3. Мѣлта (лит. *miltai; milta, miltienė*). В „Лексисе“ Лаврентия Зизания, где слова „слове(н)скаго языка на просты(й) рускій діалектъ истол(ъ)кованы“, заголовное слово *пращло* (стр. 69) объясняется как *мѣлта, толокно* (см. рис. № 2). Памво Беринда в своем „Лексиконе славеноросском“ *пращло* вслед за Л. Зизанием также объясняет: *мѣлта, толокно* (стр. 103). Анонимный рукописный словарь середины или второй пол. XVII ст. „Синоніма славеноросская“ тоже фиксировал термин *мѣлта*, которым (вместе с *пращлом*) автор объяснил вынесенный в заголовок термин *толокно* (стр. 161). Так как для реестра этого словаря использовано пояснительную часть „Лексикона“ П. Беринды²⁸, интересно, что термин *мѣлта* все же не был вве-

²³ М. Karaś i A. Karasiowa, Указ. соч., 64. Правда, подготовители этой публикации во вступлении к словарю, выделяя статью о *ковше*, дополняют ее рядом: „...укр. ківш из нем. Kausche (Słownik języka polskiego, II, Warszawa, 1902)“ (там же, 35). В настоящее время общепринятой (М. Фасмер, Э. Френкель, Ф. Славский) является версия о балтийском происхождении этого термина. Ср. также Ю. В. Откупщиков, К этимологии лит. *káušas*, лтш. *kaūss* „череп; ковш“, — *Baltistica*, VI (2), 1970, 185—192.

²⁴ В. Свобода, Слав'янська частина Оксфордського гептаглота. Українсько-латинський словник першої половини 17-го сторіччя, Вінніпег, 1956, 29 и 56.

²⁵ К. Jablonski s, Указ. соч., 107.

²⁶ Очерки русской культуры XIII—XV веков, часть I. Материальная культура, Москва, 1969, 305.

²⁷ См. там же. Годы указаны и цитаты уточнены по кн.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., Москва—Ленинград, 1950, 16, 36, 57, 59.

²⁸ В. В. Німчук, „Синоніма словеноросская“ — пам'ятка давньої української лексикографії, — Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская..., 96.

ден в реестр, а только *толокно*. Возможно, что в Приднепровье, откуда, как предполагают, происходит неизвестный автор „Синонимов“²⁹, слово *мѣлта* не было популярным.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что термин *мѣлта* у Л. Зизания (а также, очевидно, и у последующих авторов) следует читать как *милта*. Ср. „довольно последовательно автор „Лексиса“, в соответствии с этимологией, употребляет букву *ѣ*, хотя встречаются отдельные слова, в которых на месте *ѣ* выступает *и*; это является свидетельством того, что на месте буквы *ѣ* читали *і*... О произношении *ѣ* как *і* свидетельствует написание его в заимствованиях: *мѣзе|р|ны|й*“³⁰. Последнее, как видим, подтверждает и форма написания — *мѣлта* вместо *милта*, о чем говорят как лит. *milta(i)*, так и белор. *милта* (см. ниже).

Поиски диалектной среды для *милты* дали положительные результаты только в определенной части белорусской языковой территории. Так, в говорах северо-запада Белоруссии (т.е. в пределах Витебской, Минской и Гродненской областей) было указано (без более подробного адреса) на существование названия *милта* (ср. лит. *miltai* „мука“) для обозначения кушанья, приготовленного из овса или овсяной муки³¹.

Отдельные местонахождения этого термина в указанном ареале, по имеющимся материалам, можно привязать к трем—четырем пунктам: Ошмяны, Гродненской обл.³², Борисов, Минской обл.³³, Докшицы и Глубокое, Витебской обл.³⁴

К намеченному таким образом ареалу прилегает и формально более близкий литовский вариант. Так, недалеко от Ошмян в Шальчининкай (уже на территории Литвы) зафиксировано литовское диалектное *milta* „кушанье из

---

²⁹ Там же, 94—95. Попутно отметим, что *прясло* в одном ряду с *милтой* и *толокном* — ошибка у Л. Зизания, которая перешла и в другие словари. Ср. 1) *прдсло* „звено изгороди, часть стены“, соврем. „сушило из жердей для сушки „оснопов“, и 2) *прдсло* „степень, достоинство“ (И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, II, СПб, 1859, 1719—1720).

³⁰ В. В. Німчук, „Лексис“ Лаврентія Зизанія — перший український друкований словник, — Лексис Лаврентія Зизанія..., 20.

³¹ См. Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак, — Навука і тэхніка, Мінск, 1968, 276.

³² См. V. Urbutis, Указ. соч., 65.

³³ *Милта* „еда, приготовленная из овсяной муки на холодной воде“ — Оздятичи, Борисовского р-на, Минской обл. Матэрыялы для слоўніка Мінска-маладзечанскіх гаворак. Под редакцыяй М. А. Жыдовіч, Мінск, 1970, 79.

³⁴ „*Милта* — овсяная мука, перемешанная с водой (кушанье)“. Письменное сообщение А. С. Аксамитова (Минск).

кислого молока и гречневой муки³⁵, которое наряду с *miltai* и считается источником заимствования³⁶.

Мѣлта в словаре Л. Зизания (1596 г.) представляет несомненный интерес для истории литовского языка.

Необходимо подчеркнуть, что в материалах К. Яблонскиса термин *мѣлта* не зафиксирован, а в памятниках собственно литовского языка древнейший из известных нам случаев употребления *miltai* „смолотое зерно“ (Постилла Бреткунаса, I, 314₁₈)³⁷ датируется 1591 годом, т.е. всего на пять лет раньше „Лексиса“ Л. Зизания.

По семантическим соображениям фактически ближайшим литовским соответствием *мѣлте* у Л. Зизания является термин, зафиксированный в треть-

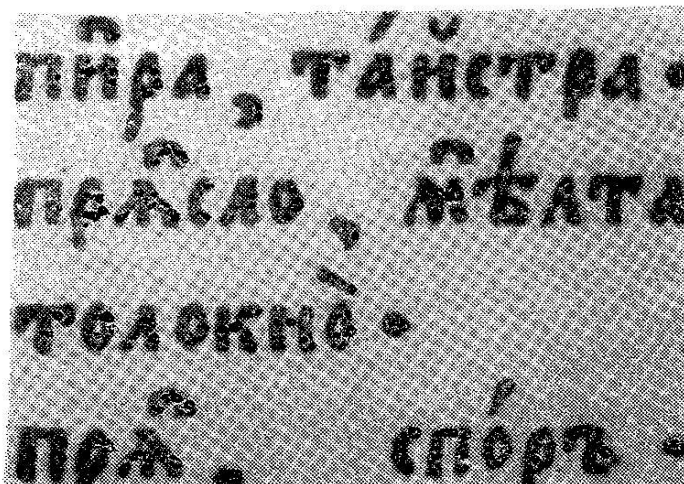

Рис. 2. *Мѣлта* в контексте „Лексиса“ Л. Зизания (стр. 69).

ем издании словаря К. Ширвидаса (1642 г.) — *miltienė* „каша, древнее кушанье из паренной овсяной муки“, который по современным данным распространен в восточноауйкштайтских говорах литовского языка — к востоку от долготы Вильнюса (Алунта, Дябьякяй, Рокишкис, Даугелишкис)³⁸.

Если обратиться к карте Белоруссии и Литвы, то нетрудно заметить, что белор. *мѣлта* и лит. *miltienė* находятся на смежных территориях и потому все это можно было бы рассматривать как единый ареал слова *мѣлта* / *miltienė* в его двух словообразовательных вариантах. Однако в говорах Жемайтии

³⁵ Lietuvių kalbos žodynas, VIII, Vilnius, 1970, 194.

³⁶ V. Urbutis, Указ. соч., там же.

³⁷ Ср. J. Palionis, Lietuvių literatūrinė kalba XVI–XVII a., Vilnius, 1967, 235.

³⁸ См. К. Pakalka, К. Širvydo žodyno „Dictionarium trium linguarum“ leksiniai dialektizmai, — LKK, V, Vilnius, 1962, 223.

известна иная деривационная форма этого термина—*miltỹnė* „мучной суп“ (Риетавас, Шатес, Салантай)³⁹, что заставляет нас ограничиться сопоставлением мьлты Л. Зизания, только с дзукскими *milta*, а также *miltai*, что в том же значении „толокно“ известно на территории между Вильнюсом и Лидой (по материалам Диалектологического атласа литовского языка). Этот с точки зрения современной лингвогеографии дзукско—северозападнобелорусский термин литовского происхождения и нашел своё отражение в опубликованном в Вильнюсе в 1596 г. „Лексисе“ Л. Зизания, а затем в изданном в Киеве в 1627 г. „Лексиконе“ П. Беринды.

---

³⁹ Lietuvių kalbos žodynas, VIII, 197.